

УДК 81'322.4

ЯЗЫК КАК ИНТЕРФЕЙС: ПЕРЕВОД И ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА¹

Евгения Валерьевна Сулова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
Приглашенный исследователь лаборатории историко-культурных исследований РАНХиГС, Карамзинский
стипендиат - 2016.
e-mail: simomoto@yandex.ru

¹Текст подготовлен в рамках проекта «Знание на экране: визуальный перевод в гуманитарных проектах», реализуемом в 2016 году в Школе актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода на русский язык текстов по цифровой гуманитаристике, рассматриваемой в эпистемологической перспективе. В силу изначальной оторванности техники и развивающихся технологий от академического дискурса в России, возникает вопрос, возможны ли цифровые гуманитарные науки по-русски, если на данный момент даже такие ключевые понятия, как «Digital Humanities», «Social Computing», «Data Mining» и другие не имеют общепризнанного перевода. При этом в сфере профессионалов из-за необходимости постоянно иметь дело с англоязычными пособиями и софтом, формируется культура, характеризующаяся интердискурсивностью. Эти и другие вопросы в статье рассматриваются на материале готовящейся к выходу в издательстве «Красная ласточка» книги всемирно известного медиатеоретика Льва Мановича «Теории софт-культуры». Авторское размышление во многом построено как комментарий редактора, на практике столкнувшегося с проблемами, требующими социокультурного осмысления.

Выполнено в рамках проекта «Знание на экране: интерфейсы и визуализация в цифровых гуманитарных проектах» (руководитель Г. Орлова, ЛИКИ ШАГИ РАНХиГС, 2016 г.) при поддержке фонда Михаила Прохорова (программа «Карамзинские стипендии»).

Ключевые слова: Лев Манович, перевод, цифровые гуманитарные науки.

Цифровая гуманитаристика в вопросах без ответов

Цифровая гуманитаристика (Digital Humanities), область, возникшая на стыке традиционного гуманитарного знания и вычислительных методов [Burdick, Drucker, Lunenfeld, Presner, Schnapp, p. 3], может рассматриваться как одна из «попыток наведения мостов между традиционно разнесенными исследовательскими направлениями» [Свирский]. Здесь традиционные гуманитарные проблемы решаются с привлечением новых информационных технологий, а цифровые среды и расширения становятся предметом специального гуманитарного исследования. В Манифесте цифровых гуманитариев, созданном в Париже за время конференции THATCamp (18–19 мая 2010 года), в экспериментальной форме формулируется эпистемологическое кредо радикального крыла цифровой гуманитаристики, постулируется «отсутствие границ» и утверждается существование «многоязычного (*курсив наш.* – Е.С.) и междисциплинарного коллектива» [Манифест Digital Humanities]. Переосмысление этих границ рождает парадокс. С одной стороны, цифровые среды располагают к открытости и коллаборации, широкую популярность приобретают открытые данные (open data), открытое программное обеспечение (open source) и открытый доступ (open access), заставляющей пересмотреть представление об авторском праве. С другой стороны, цифро-

вые технологии в целом и дружелюбный графический интерфейс пользователя в частности не только открывают, но и скрывают (принципы своего устройства, механизм работы, «железо», код, интересы тех, кому принадлежит цифровая инфраструктура), а потому – поддерживают порядок, «великолепно истощающий идеологию значений» [Drucker, p. 23]. Декларации многоязычия не только не отменяют вопроса о переводе, который в широком смысле слова может быть определен как культурная технология установления контактов между принципиально разными средами, но и эпистемологически заостряют его.

Каковы в цифровой гуманитаристике отношения естественного языка и кода, ручной аналитики и автоматизированной обработки, вкладов гуманитариев и программистов? Но главное и насущное – как решать вопрос о переводе ключевых текстов, написанных по-английски, в ситуации, когда профессиональный язык русскоязычных программистов и юзеров уже сформировался с опорой на англицизмы, а концептуальный аппарат для аналитического описания цифровых технологий и их эффектов в русском языке, по сути, сформирован не был?

Сегодня чтение этих работ для русскоязычных исследователей остается чтением «для себя», осуществляемым *между* планами оригинала и перевода. Чтение «для другого» требует выработки концептуальной систе-

мы, а у нас нет общепринятого перевода даже для базовых концептов. Отличается ли качественно задача по созданию концептуальной системы цифровой гуманитаристики от других областей гуманитарного знания? И, если перевод создает связь как своеобразное «изображение, в котором она зачаточно или интенсивно себя реализует» [Беньямин], то как эта связь может быть репрезентирована? Как английский язык, для которого характерны дискретность, стремление к максимальной функциональности и экономии выразительных сил – качества, идеально отвечающие нуждам цифровой аналитики, тегирования и кодирования, – влияет на устройство концептуальной системы цифровой гуманитаристики? Английский язык, являясь языком аналитическим, стремится к имманентной семантической и синтаксической компрессии. Насколько следует проблематизировать родовую связь аналитического языка и цифровых исследований при переводе на синтетический русский?

Ответы на эти риторические вопросы мы будем извлекать из трансгрессивного опыта перевода и редактирования текстов, эмблематичных для цифровой гуманитаристики и исследований софта.

Лев Манович: человек и перевод

В центре нашего внимания – готовящаяся к изданию книга медиатеоретика и руково-

дителя лаборатории Software Studies Initiative¹ Льва Мановича «Теории софт-культуры»² (перевод Надежды Лебедевой и Асмик Бадоян).

Место Льва Мановича в истории цифровой гуманитаристики особенное. Он стоял у истоков исследований новых медиа и программного обеспечения (Software Studies), экспериментировал с художественным и эпистемологическим потенциалом визуализаций, доказывал, что база данных приходит на смену нарративу, показывал, что компьютер – это медиум второго порядка или метмедиум. Лаборатория Мановича работает на стыке цифровых гуманитарных исследований и художественных практик. А ее руководитель придумал культурную аналитику – новый метод компьютерного изучения и экспонирования множеств артефактов – будь то монтажные стыки в кино, распределение имени Анна в романе Толстого, политика улыбок в селфи из нескольких городов мира или картирование Манхэттена с помощью выложенных пользователями постов. Используя массивы больших данных, Манович пытается решить методологический вопрос: как, исследуя визуальные данные цифровой цивилизации, можно соединить

¹ <http://lab.softwarestudies.com>.

² Книга Льва Мановича «Теории софт-культуры» готовится к выходу в издательстве «Красная ласточка» при поддержке фонда М. Прохорова.

принципы «близкого» и «дального» чтения, обеспечив доступ, с одной стороны, к материалу, а с другой – к визуальному знанию о его устройстве.

В своих статьях Манович регулярно ставит вопрос о языке, на котором может говорить цифровая гуманитаристика. Он считает, что этот язык может возникнуть только в ходе переосмысления уже существующих концептов и отказа от давно изживших себя, а также по мере установления новых отношений между жизнеспособными концептами, обеспечивающими доступ к проблемному полю новой области знания, находящейся сегодня в стадии активного формирования. Так, в статье «Постмедиаальная эстетика» теоретик новых медиа ищет способ описать, как «культурные объекты *организуют данные и структурируют опыт взаимодействия пользователя с этими данными*» [Manovich 2001a]. Софт и данные становятся для Льва Мановича отправными точками в построении постмедиаальной эстетики, приходя на смену старым, разделенным, аналоговым медиа. Подчеркивая автономию современных культурных феноменов от медиума в классическом понимании (устройства для воспроизводства звука, создания текстов и изображений и т.д.), указывая на их связь с их программным остовом, автор вводит понятие «софт-культура», тем самым показывая, что именно софт в своем репрезентативном и перформативном измерении задает облик

новых артефактов. Вопрос поиска адекватных метафор, столь важных для становления нового концептуального поля, – это вопрос, который Лев Манович решает наряду с поиском общей понятийной системы для описания цифровых процессов. В частности, автор использует медиаархаизмы – предлагает рассматривать явления додигитальной культуры сквозь призму цифровых новообразований. Так, если думать о технологиях производства изображения в категориях интерфейса, то Сергей Эйзенштейн и Алан Кей окажутся вписаны в один контекст. Что может дать – и дает – исследователю новые интуиции.

Выбирая между изданием книги «Язык новых медиа» [Manovich 2001b] и сборником статей, редакция издательства «Красная ласточка» приняла решение издать именно статьи, динамически отражающие трансформацию идей Льва Мановича от генеалогии новых медиа и анализа софта к идеям информационной и постмедиаальной эстетики. Работа над книгой заняла год и практически завершена. Сейчас статьи проходят авторизацию.

Книга «Теории софт-культуры» состоит из трех частей. В первую часть, которая называется «Новые медиа», вошли три статьи: «Принципы новых медиа», «Постмедиаальная эстетика» и «Медиа в эпоху программного обеспечения». В этой части намечается эволюция новых медиа и софта, приводящая в итоге к нерелевантности идеи о медиуме

как критерии дифференциации практик, что свидетельствует об отсутствии языка описания адекватных «информационной эпохе» явлений.

Во вторую часть под названием «Инфоэстетика и исследования софта» помещены две статьи: «Культурные формы информационного общества» и «Алгоритмы нашей жизни», где вводятся – по аналогии с «информационной эпохой» – такие понятия, как «информационная эстетика» и «информационное поведение». Автор подчеркивает независимость категорий информационной эстетики от понятия медиума, призывая исследовать дигитальную перформативность, создающую новые способы конструирования и переживания опыта.

Третья часть называется «Культурная аналитика». В отличие от первой части, где осуществляется критика существующей концептуальной системы, и по контрасту со второй частью, где утверждается возможность нового языка описания современной культуры, здесь есть место для документации процесса реализации идей и использования методов на практике. В эту часть были включены четыре статьи: «Музей без стен, история искусства без имен», «Наука о данных и цифровая история искусства», «Исследуя городские социальные медиа» и «Наука о культуре?». Здесь даны описания конкретных проектов, детально представлен процесс создания цифровых констелляций, составивших основу

проектов Selficity и On Broadway: от принципов сбора данных до визуализации и разработки интерфейсов. Вклад Мановича не исчерпывается исключительно разработкой конкретных принципов анализа визуальных данных – исследователь задает новую эпистемологическую перспективу для работы с цифровыми практиками.

Сборник составляли автор, редакторы Юрий Златов и Евгения Суслова, научный консультант Анна Толкачева. Каждую статью редактировали трое: два редактора и научный консультант. Все тексты были загружены в гугл-документы и доступны для удаленного редактирования. Каждый из членов нашей команды знакомился с переводом, сверяя его с оригиналом, а затем оставлял в гугл-док свои комментарии. Потом в режиме диалога мы обсуждали каждый комментарий. Редакторы в режиме реального времени пытались нащупать естественный модус перевода, конструируя язык цифровой гуманитаристики, а Анна Толкачева, сама будучи исследователем с образованием в области прикладной математики, координировала точность перевода технической терминологии. С самого начала стало понятно, что в монологическом порядке тексты Мановича редактировать практически невозможно, так как мы имеем дело с порядком высказывания активно формирующегося поля, русскоязычную версию которого еще только предстоит изобрести.

В процессе этой коллаборативной рабо-

ты нередко возникали разногласия: языковая интуиция редакторов не совпадала. Так, выражение «цифровой гуманитарий» для одного носило иронические коннотации, тогда как для другого оставалось абсолютно нейтральным. Непросто шла выработка критериев отбора тех или иных вариантов перевода. Скажем, количественный перевес одного из вариантов в поисковике Google зачастую не совпадал с языковой интуицией редактора и экспертов, мнение которых редактор запрашивал. Например, вариант «перекартографирование» встречается редко в русскоязычном интернете (52 вхождения, Google), но все же чаще, чем «рекартографирование» (35 вхождений, Google). На взгляд редакторов перевода, использование приставки «пере» звучит экзотично. Анализ технической литературы выявил расхождения в порядке словоупотребления: в печатных источниках спецтерминологию программистов и графических дизайнеров переводят не так, как на специализированных интернет-порталах и уж тем более не так, как на форумах: в пособиях до сих пор присутствуют аппаратные части, в то время как на форумах вместо них – железо.

Словом, работая над книгой, редакторы вынуждены были действовать без опоры и выходить в широкое социокультурное пространство значений, позволяющее не столько увидеть, сколько почувствовать размытые контуры концептуального языка цифровой

гуманитаристики, русскоязычный срез которого находится в стадии активного формирования.

На полях теории

В скопической теории перевода, получившей свое название от слова *skoros* (в переводе с греческого означающего «мишень», «намерение», «цель»), акцент с текста-источника переносится на контекст, в котором осуществляется перевод. Таким образом, перевод в этой системе координат определяется прагматической установкой переводчика, а любое намерение и направленность перевода конкретизируются исходя из требований конкретной ситуации. На первый план выходит «культурная эквивалентность», обеспечивающая локальную адекватность (*adequacy*) текста [Pardo, p. 19]. При переводе текстов Льва Мановича идеи скопической теории важны, так как позволяют учесть специфику русскоязычной ситуации в цифровой гуманитаристике: важно не только выбрать лучший вариант перевода, но и легитимировать его, установив его отношения с другими элементами концептуального языка.

Говоря о «полной» теории перевода, Луис Келли выделяет три компонента: «специфичность функции или цель; описание и анализ операций; критический комментарий к отношениям между целью и операциями» [Kelly, p. 1]. Например, выбирая вариант «социальный компьютеринг» как перевод английского

Social Computing, редакторы опирались не на автономный смысл слова «вычисления», но на связь слова «компьютинг» с другим словом, закрепившимся в русском языке. Речь идет о «компьютере», утратившим связь с идеей вычисления. От работы в логике бинарной оппозиции «источник» – «мишень» мы смещаемся к учету конструируемого контекста, а от контекста – к рефлексии уже не статичных смыслов, но процедур, лежащих в основе практики. Асмик Бадоян, один из переводчиков книги Льва Мановича «Теории софт-культуры», отмечает, что при пословном и даже контекстуальном переводе этих текстов «теряется смысловая динамика, текст как продукт языка начинает вытеснять текст как смысл».

Н.С. Автономова отмечает, что чуть ли не все европейские философии (кроме греческой) возникали в процессе перевода из одного языка в другой. Подобная ситуация имела место в латинском, итальянском, французском, немецком языках [Автономова, с. 7]. Будучи языком культурной коммуникации, концептуальный язык складывается благодаря рефлексивной процедуре, возведенной в метод, предполагающий «первичное схватывание (понимание), затем проработку посредством анализа рефлексии и, наконец, новый этап понимания – уже на основе этой предыдущей проработки» [Автономова, с. 481]. Такое понимание базируется на классической модели перевода, где

есть язык-источник и принимающий язык, а переход от концептуальной системы одного языка к концептуальной системе другого языка осуществляется за счет рефлексии.

При переводе текстов Льва Мановича, важных для формирования современной медиафилософии и цифровой гуманитаристики, мы не можем апеллировать только к тексту и культурному контексту, который ему соприроден. Редакторы непрерывно гуглили словоупотребления, разбирались с нюансами устройства интерфейсов, консультировались с разработчиками, выясняя детали процесса автоматического анализа данных, а не только обращались к первоисточникам, словарям и своей культурной эрудиции. Таким образом, необходимо было выходить за пределы рефлексии как ключевого метода в область настоящего эмпирического исследования, целью которого было прояснение локальных правил производства значения и технического действия.

Перевод в расширенном поле, то есть разомкнутый в поле практик, создает совершенно иную расстановку сил. Бинарная линейная конструкция, в основе которой лежит семиотическая модель, трансформируется. Предполагается, что переводу подлежит речевой акт, пусть и зафиксированный в тексте, но лишь при условии его включения в практическую деятельность. Для цифровой гуманитаристики, где высказываться зачастую означает совершать конкретные инструмен-

тальные действия в ходе реализации проектов (кодить, создавать метаданные, разрабатывать визуализации, тестировать и т.д.) [Burdick], такой поворот имеет принципиальное значение. К тому же, экспорт, освоение и трансформация цифровой теории осуществляется не напрямую из теоретического плана в теоретический план, но посредством заимствования цифровой техники и технологии аналитического действия. Иначе говоря, теорию цифровой гуманитаристики невозможно рассматривать в отрыве от средств и инструментов, которые она описывает, разрабатывает или использует [Fuller, p. 11].

Откликнуться на эти вызовы позволяет теория культурного трансфера Мишеля Эспаня [Espagne], согласно которой перевод не осуществляется напрямую, в нем всегда есть опосредующее – третье – звено. Включение в сферы интересов переводчиков цифровой практики и инструментального действия позволяет нам поставить вопрос о различии *дескриптивного* перевода, в котором участвуют две системы, базирующиеся на передачи предметных значений, и *операционального* перевода, при котором важно также еще и процедурное измерение. Если язык рефлексии оторван от производства, то можно говорить о вторичном операциональном освоении цифровой гуманитаристики. Так, *graph* у Мановича редакторы передают как фильтр, учитывая совершенно конкретное интерфейсное решение, позволяющее

условные «ручки» представить в виде графиков. Культурная ситуация, когда нельзя *сказать*, но можно *показать* или принять в расчет *конкретное операциональное решение или действие*, качественно меняет не только структуру концептуального поля, но и саму процедуру перевода.

По мере формирования в 1990-е годы исследований перевода (Translation Studies) [Gutt; Spivak; Venuti 1995 и др.] – новой трансдисциплинарной области, возникшей на перекрестке культурных исследований, теории перевода и дискурсивных исследований, – в работу переводчика вводится проблематика кризиса репрезентации, а постмодернистский тезис о непереводемости многократно контекстуализируется. В частности, Лоренс Венути говорит об «относительной автономии перевода», специфика которого базируется на идее «прозрачной коммуникации» [Venuti 2000, p. 5]. Перевод не рассматривается больше как перевод с языка на язык, но, скорее, как конструирование культурного контекста в другом языковом пространстве.

С выводами исследователей перекликается эпистемологическая озабоченность Льва Мановича, неоднократно выражавшаяся в процессе подготовки книги. Автор, для которого русский язык был родным, а английский изначально стал языком академической социализации, убежден, что, при «хорошем переводе» говорится будто бы «нечто иное». Другими словами, выражение его идей на ан-

глийском языке и на русском языке не совпадает, при этом установить точные зоны этих несовпадений невозможно.

Аккумулируя сложности

На данный момент не существует устоявшегося перевода даже ключевых понятий, например, таких как Digital Humanities и Social Computing. Digital Humanities переводится как «цифровые гуманитарные науки», «цифровая гуманитаристика», «гуманитарная информатика» или не переводится вовсе. Social Computing можно перевести как «социальные вычисления», «социальный компьютеринг», «социальная информатика».

Несовпадение внутренних границ цифровой гуманитаристики в русскоязычном и англоязычном контексте добавило сложности в перевод таких понятий, как «исследования программного обеспечения» (*Software Studies*) и «теория программного обеспечения» (*Software Theory*). Объемы значений этих понятий в английском накладываются друг на друга, в то время как на русском языке никакой «теории программного обеспечения» просто не существует.

Традиционная сложность разграничения *humanities* и *science* в русском языке в случае перевода текстов по цифровой гуманитаристике обрела новое звучание. Этот концепт выглядит слишком общим в условиях, когда отсутствует тематическое профилирование области, имеющее место в англоязычном

контексте, где есть Software Studies, Interface Studies, Internet Studies и т.д.

В русскоязычной концептуальной системе цифровая техника и практика как процедурные явления только сейчас становятся предметом специальной рефлексии гуманитариев и социальных исследователей. А практика массового использования цифровых технологий формируется на протяжении последних двадцати лет. Сегодня разработчики и продвинутые пользователи, ежедневно имеющие дело с англоязычными средами и инструкциями, избавлены от необходимости переводить, поэтому обходятся англицизмами и нередко испытывают сложности при попытках описать свои цифровые действия на русском языке. Если на платформе GitHub¹ в принципе не требуется использование естественного языка (или его использование сводится к системе тегирования), то на платформе хабрахабр² реализуется кросс-культурная и кросс-языковая коммуникация.

Особую категорию слов представляют понятия, описывающие пользовательский опыт и практики работы с интерфейсом, поисковыми системами, программным обеспечением, для которых нет устоявшихся норм употребления в научном тексте: *to browse* («смотреть», «просмотреть», «искать»), *“like”* («лайк»), *zoom in*, *zoom out* («приближать»,

¹<https://github.com>

²<https://habrahabr.ru>

«удалять»), *to share* («делиться», «выложить»), *to post* («постить»), *to repost* («репостить»). «Рафинированными» эквивалентами цифрового волапюга выступают наукообразные понятия, дистанцированные от опыта повседневного взаимодействия с цифровыми средами и технологиями. Разумеется, переводчики вынуждены определять свое отношение к этому разрыву. Его можно драматизировать с опорой на ресурс стилистики, сетуя на непреодолимые стилистические противоречия высокого языка гуманитарной теории и низкого сленга гиков. А можно проблематизировать, опознавая в гремучей смеси символической формы и зумы, опосредования и расшаривания гибрид, интердискурсивный продукт встречи разных социальных практик.

В тексте Льва Мановича присутствуют понятия, у которых есть конвенциональный перевод, но они чересчур наукообразны и перегружают текст, разрушая его эллиптическую и разговорную установку. Например, *user-generated*, *user-created* («пользовательский контент») или *vernacular* («пользовательский», «любительский»). Вполне нейтральное и емкое английское *soft* на русский язык нужно переводить или как «программное обеспечение», «программа» или «софт». Сам автор не раз подчеркивал, что предпочел бы видеть в книге просто «софт». При этом слово *soft* не может мыслиться автономно, так как является парным. Второй компо-

нент пары вызывает еще большие проблемы, так как ни один из вариантов («аппаратная часть», «хардвер», «железо») редакторам, работавшим над переводом Льва Мановича, не кажется удовлетворительными.

В данный момент редакторская группа занята поиском оптимальных решений.

p.s.

Придумывая название этой статьи, автор решил воспользоваться приемом медиаархизации, поместив рассуждения о языке и переводе в перспективу интерфейса, который сегодня становится корневой метафорой, позволяющей помыслить линию и механизм контакта двух сред, не способных к прямому взаимодействию. А на поверхности перевода на русский текст о цифровой гуманитаристике можно увидеть новый концептуальный язык, прямо сейчас обретающий свою видимость.

Список литературы

Автономова, Н.С. Познание и перевод: опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.

Беньямин В. Задача переводчика / Перевод Н. М. Берновской // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/6ben.htm> (дата обращения 26.09.2016).

Манифест Digital Humanities. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://tcp.hypoth->

eses.org/501 (дата обращения 26.09.2016).

Свирский Я. На пути к «сложностному» мышлению // Послесловие к книге: Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Тысяча плато – М., Астрель, 2010 г. С. 872-889. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/28608> (дата обращения 26.09.2016).

Burdick, A., Drucker, J., Lunenfeld, P., Presner, T., & Schnapp, J. (2012). *Digital Humanities*. Cambridge, MA: MIT Press.

Drucker, J. (2014). *Graphesis. Visual forms of knowledge production*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Espagne, M. (2013). La notion de transfert culturel. *Revue Sciences / Lettres*, 1. Available from: <http://rsl.revues.org/219> (date of access: 26.09.2016). DOI : 10.4000/rsl.219.

Fuller, M. (2003). *Behind the blip: essays on the culture of software*. Canada: Autonomedia.

Gutt, E.-A. (1991). *Translation and relevance: cognition and context*. Oxford: Blackwell.

Kelly, L.G. (1979). *The true interpreter: a history of translation theory and practice in the West*. Oxford: Blackwell.

Manovich L. (2001). *The language of new media*. The MIT Press.

Manovich, L. (2001). *Post-media aesthetics*. Available from: http://manovich.net/content/04-projects/032-post-media-aesthetics/29_article_2001.pdf (date of access: 26.09.2016).

Pardo, B.S. (2013). *Translation studies: an introduction to the history and development of au-*

diovisual) translation. Villanueva de la Cañada – Madrid. Linguax. Revista de Lenguas Aplicadas.

Spivak, G. (1992). *Outside in the teaching machine*. London and New York: Routledge.

Venuti, L. (1995). *The translator's invisibility: a history of translation*. London and New York: Routledge.

Venuti, L. (2000). Translation, community, utopia. In L. Venuti (Ed.), *The translation studies reader*. London and New York: Routledge, 468-488.

References

Avtonomova, N.S. (2008). *Poznaniye i pervod: opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation: practices of language philosophy]. Moscow: ROSSPEN.

Ben'yamin, V. (2000). Zadacha perevodchika [The task of the translator]. In V. Ben'yamin, Ozareniya [Insights]. (N.M. Bernovskaya, Trans.). Available from: <http://kassandron.narod.ru/commentary/11/6ben.htm> (date of access: 26.09.2016).

Burdick, A., Drucker, J., Lunenfeld, P., Presner, T., & Schnapp, J. (2012). *Digital Humanities*. Cambridge, MA: MIT Press.

Drucker, J. (2014). *Graphesis. Visual forms of knowledge production*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Espagne, M. (2013). La notion de transfert culturel. *Revue Sciences / Lettres*, 1. Available from: <http://rsl.revues.org/219> (date of access: 26.09.2016). DOI : 10.4000/rsl.219.

Fuller, M. (2003). *Behind the blip: essays on the culture of software*. Canada: Autonomedia.

Gutt, E.-A. (1991). *Translation and relevance: cognition and context*. Oxford: Blackwell.

Kelly, L.G. (1979). *The true interpreter: a history of translation theory and practice in the West*. Oxford: Blackwell.

Manifest of Digital Humanities. Available from: <http://tcp.hypotheses.org/501> (date of access: 26.09.2016).

Manovich, L. (2001). *Post-media aesthetics*. Available from: http://manovich.net/content/04-projects/032-post-media-aesthetics/29_article_2001.pdf (date of access: 26.09.2016).

Manovich, L. (2001). *The language of new media*. The MIT Press.

Pardo, B.S. (2013). *Translation studies: an introduction to the history and development of (au-*

diovisual) translation. Villanueva de la Cañada – Madrid. Linguax. Revista de Lenguas Aplicadas.

Spivak, G. (1992). *Outside in the teaching machine*. London and New York: Routledge.

Svirskiy, Ya. (2010). Na puti k «slozhnostnomu» myshleniyu [On the way to complex thinking]. Afterword to G. Deleuze & F. Guattari, *A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia*. Moscow: Astrel. Available from: <https://fil.wikireading.ru/28608> (date of access: 26.09.2016).

Venuti, L. (1995). *The translator's invisibility: a history of translation*. London and New York: Routledge.

Venuti, L. (2000). Translation, community, utopia. In L. Venuti (Ed.), *The translation studies reader*. London and New York: Routledge, 468-488.

LANGUAGE AS INTERFACE: TRANSLATION AND DIGITAL HUMANITIES

Eugenia V. Suslova (Samostienko), PhD, Assistant Professor at Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia; email: simomoto@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to the translation of the texts on Digital Humanities into the Russian language. Digital Humanities are considered from an epistemological perspective. Due to the original isolation of techniques and developing technologies from academic discourse in Russia we question the very possibility of the translation of Digital Humanities texts into Russian as such key concepts as «Digital Humanities», «Social Computing», «Data Mining» and others do not have their generally accepted translation variants. At the same time, an interdiscursive culture is emerging in the professional field, because programmers are dealing with software and manuals in English and do not need to translate working concepts. These questions are discussed in the article on the material of the book written by the world renowned mediatheorist, Lev Manovich “The Theory of soft cultures”, which is to be published by the «Red Swallow Publishing House». The text of the article is largely written as an editorial commentary, which addresses the importance of socio-cultural understanding in the practical work of a translator.

Key words: Lev Manovich, translation, Digital Humanities.

Acknowledgments

This article was written as part of the project “Knowledge on the screen: interfaces and visualization in digital Humanities projects” (supervisor G. Orlova, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 2016), supported by Mikhail Prokhorov Fund (the programme “Karamzin scholarships”).

